

Личная интерпретация Бенисио Дель Торо

Сьюзен ХОУАРД

Режиссер "Загнанного" Уильям Фридкин сказал на премьере: "У меня нет слов, чтобы описать то, что делает Бенисио. Я не представляю себе, как вообще можно это сделать". В "Загнанном" Дель Торо играет бывшего спецназовца, свихнувшегося после зверств в Боснии, в которых ему пришлось участвовать.

Бенисио Дель Торо тоже с трудом находит слова, когда ему приходится говорить о своей актерской кухне. Тем не менее его интервью достойно внимания.

— Что привлекло вас к проекту "Загнанный"?

— Первое — Уильям Фридкин. Его имя заставило меня заинтересоваться этим проектом. Второе — Томми Ли Джонс.

— Ваш персонаж Холлэм мало говорит.

— Да, в конце концов он стал молчаливым. Мне все говорят о том, что молчание — главная черта Холлэма. Зато мне пришлось много бегать и драться. Мне ни разу не дали хотя бы присесть на минутку! (Смех). Драка, бегство, еще драка... а я ведь не Мохаммед Али.

— Вам трудно было играть практически без слов?

— Мне понравилось. Думаю, понравилось. Это заставляет зрителей задаваться вопросом о том, что он думает.

— Чем отличается Уильям Фридкин от других режиссеров?

— Он не устраивает пресс-конференций. По-моему, он отказался от пресс-конференции в честь повторного выпуска "Изгоняющего дьявола". И еще у него гениальный слух. Послушайте, как звучит "Загнанный". На съемках Билли всегда знает, чего хочет, очень хорошо представляет себе будущий фильм. Он не устраивает длинных рассуждений и объяснений, какими должны быть герои. И правильно, потому что большая часть экспозиции все равно в конечном итоге остается на полу монтажной комнаты. А он хотел, чтобы фильм мчался вперед! Это было здорово.

— Технический советник фильма "Загнанный" Том Браун говорил, что вы могли наблюдать за ним часами, а потом "сняли" его манеры один в один. Вы многому у него научились?

— Конек Тома Брауна — выслеживание. В этом фильме мне практически не приходится никого выслеживать. По сюжету, Томми Ли Джонс выслеживает меня. За драки с ножами отвечал парень по имени Том Кир. В нашем фильме много Томов. Мне пришлось много учиться у них. Мы отработывали филиппинский стиль драки на ножах. Он называется Escrima Kali или что-то в этом роде.

— Во время съемок вы сломали запястье. Это была ваша первая травма на съемочной площадке?

— Нет, у меня и раньше были травмы. Один раз я вывихнул лодыжку. Потом разбил костяшки пальцев. И только потом сломал запястье. Собственно говоря, это была небольшая трещина, но все равно пришлось оперировать.

— В какой сцене это случилось?

— Этого нет в фильме. Это было во время репетиции.

— Ваш персонаж в "Загнанном" — человек с большой психикой. По-вашему, насколько осознанно он начал охотиться за людьми? Мог ли он переломить себя? О чем он думал?

— Я представляю его себе немного иначе. Он идет на войну, попадает в ад, убивает и получает за это медаль. Воспоминания о войне преследуют его. Он хочет с кем-нибудь поговорить, он пишет письма своему наставнику, но не получает ответов. Никто не хочет его слушать. Все от него отворачиваются. И вот он видит в лесу двух людей с ружьями. Я даже не уверен, что они действительно охотники,

но я их убиваю. И тогда меня замечают. Томми Ли Джонс, мой наставник, находит и забирает меня. Я не думаю, что во время драки мой персонаж убил бы Томми или даже попытался убить. Он мог бы убить его в тот момент, когда он отвлекся на Библию. Он хотел продолжить игру, состязание, поединок на ножах... Впрочем, это моя личная интерпретация. Какая разница, однако? Я только хочу сказать, что все это сложнее, чем кажется на первый взгляд. В какой-то момент он просто в отчаянии, потому что никому нет до него дела — и это действительно так. В какой-то момент в нем просыпается инстинкт жертвы, потому что теперь уже охотятся за ним, и он знает, что его убьют. И тогда он впадает в неистовство — как Франкенштейн.

— Один из самых умных ходов в фильме — то, что к вашему герою нельзя относиться однозначно.

— Да, Билли Фридкин этого и хотел. Я помню, что в какой-то момент сказал ему: "Слушай, он не мог не воспользоваться пистолетом или ружьем! Это же глупо — воевать с ножом в руках!" Билли ответил: "Нет, этот парень воюет бесшумно". А я решил, что это можно истолковать иначе.

Холлэм не желает прикасаться к огнестрельному оружию. Это его принцип. Это его вызов вооруженным до зубов военным. Такое поведение придает ему достоинства.

— Отличается ли съемочная площадка Фридкина от других площадок?

— Да. На ней нет стульев. Нельзя присесть. И все работают. Если ты пришел на съемки, изволь работать.

— Вы выросли в маленьком городке в Пенсильвании.

— Да, в городке Мерсерсберг. Недалеко от Мэрилэнда.

— Как в вас родилось желание стать актером?

— Думаю, это пошло от отца. И лицедейство, и внешность.

— Вы помните вашу первую работу?

— Да, это была фабрика Master Mix, где готовили еду для свиней. Мне было 10 или 11, мне приходилось таскать тяжелые мешки, и я получал за это 10 долларов в неделю.

— А первая актерская работа?

— Какое-то телешоу с Пэтом Морита, мне выписали чек. Хотя нет, вначале я снимался в массовке.

— В каком состоянии находится проект "Хаос" (Chaos), где вы долж-

ны сниматься с Де Ниро?

— Сценарист работает, режиссер вроде бы есть, но в данный момент он занят другими вещами.

— А есть что-нибудь более осознанное?

— Сейчас заканчиваю фильм "21 грамм". Я играю там парня, который сидел в тюрьме, вышел на свободу и чувствует, словно заново на свет родился. Он хочет в это верить, но ему трудно отличить добро от зла.

— Вашими партнерами в этом фильме стали Наоми Уоттс и Шон Пенн.

— Когда работаешь с ними, такое впечатление, будто смотришь потрясающий спектакль — и в кадре, и за кадром. Они... Нет, я не могу это описать.

— Насколько глубоко вы погружаетесь в персонажа?

— Иногда — слишком глубоко. Когда мы снимали "Страх и ненависть в Лас-Вегасе", все поверили, что я стал наркоманом и алкоголиком, хотя никогда в жизни не принимал наркотиков. Это было очень тяжелое испытание. С тех пор я никогда не привожу своих героев к себе домой. Я знаю истории об актерах, которые заблудились в своих ролях, и не хочу стать одним из них.

— Что изменилось для вас после того, как вы получили "Оскар"?

— Ну... Я стал получать больше предложений, сценариев. Это и благословение и проклятие. Я не могу разорваться, я могу сниматься только в одном фильме. Порой не знаешь, что выбрать.

— Вы считаете, что научились выбирать правильные проекты?

— Думаю, у меня неплохо получается. Мне нравится большинство фильмов, в которых я снимаюсь. Это те фильмы, которые мне хотелось бы увидеть на экране. Научился ли я выбирать? Надеюсь, я научился правильно читать сценарии. Я ответил на ваш вопрос? (Смех).

— "Оскар" стал для вас сюрпризом?

— Да. В смысле — я стоял там, смотрел вниз, видел всех и пребывал в легком шоке. Мне почему-то запомнилось то, что я смотрю вниз и вижу Дастина Хоффмана. После этого твоя карьера становится совершенно иной. Это выгодно с деловой точки зрения, ты чувствуешь себя гораздо увереннее при разговорах с продюсерами. Думаю, мне удастся избежать "проклятия" "Оскара". Главное — не изменить себе, не говорить направо и налево "вау, я получил "Оскар"!". Я никогда не считал себя особо талантливым и верил, что для успеха мне нужно много работать.

— Вы не считаете себя трудоголиком?

— Могу точно сказать, что очень люблю свою работу. Можно ли квалифицировать это как трудоголизм?

— Что вы делаете, когда не работаете?

— Читаю. Я очень медленно читаю.

— Вы по-прежнему увлекаетесь живописью?

— Совсем немножко. Я давно уже не рисовал.

— Где ваш дом?

— В Лос-Анджелесе.

— Что думает о вашей карьере отец?

— После "Оскара" он успокоился. До этого он говорил мне, что шоу-бизнес — ненадежное дело, что я могу погубить карьеру одним неудачным фильмом.

— Вы почувствовали разницу между "до" и "после" "Оскара"?

— Очень многие люди почему-то считают, что "Граффик" — мой первый фильм. Я часто объясняю журналистам, что до "Граффика" я снялся во множестве фильмов. Если бы я получил "Оскар" в 21 год, наверное, я воспринял бы это событие более эмоционально. Но я получил эту премию, когда мне было далеко за 30, и я очень хорошо представлял себе, что такое шоу-бизнес. Я считаю эту премию признанием моей работы на протяжении 15 лет.